

Михаил БОЯРСКИЙ:

Выбор есть — нет вкуса

«Я уезжаю в дальний путь, но сердце с вами остается». От речей красавца Теодоро из «Собаки на сене» таяла неприступная Диана, а вместе с ней и телезрительницы у экранов. Рыцарь-разбойник Дон Сезар де Базан, циничный Тартюф и, конечно, темпераментный остроумец д'Артаньян... Казалось, трудно найти более успешного актера, любви к которому были бы покорны все возрасты поклонников киноромантики. Михаил Боярский — артист, певец, а в последнее время — и ведущий «Белого попугая». Вроде бы все в порядке, вроде бы популярность — а значит, уверенность в себе — сохранилась. Однако сам герой считает, что времена, когда можно было беззаботно «пора-пора-порадоваться на своем веку», ушли. «Я растерян», — признается Боярский. Почему?

— Я в растерянности, потому что конечным результатом всего, что ни делаешь, является зарабатывание денег. На Западе такая ситуация существует давно, но там смогли найти равновесие между обязательным заработком и работой для души. У нас теперь превалирует первое. Мы придерживаемся производственного правила: поменьше вложить, побольше получить. Шоу-бизнес у нас, мне кажется, далек от искусства. Вы посмотрите, сколько появилось людей, с видом оракулов вещающих банальности и пышно рассуждающих о «своем творчестве»! Когда человек, не смущаясь, говорит: «В моем творчестве...» — мне хочется поставить в кавычки либо человека, либо то, чем он занимается. Вы посмотрите, какие слова появились в шоу-бизнесе, как все превозносится! «Уникальный, долгожданный альбом», «мои лучшие хиты», «мировая премьера»... Кошмар какой-то. Люди потеряли чувство застенчивости, скромности, а ведь ис-

тинный талант никогда не будет выставлять себя напоказ, не будет кричать: «Посмотрите на меня, вот я какой!» Элементарная скромность теперь мешает продвижению, зарабатыванию денег. Вот потому наверху нередко оказывается бездарность, и это поощряется. От всего этого мутит. Слишком много всего, чтобы воспитать вкус, чтобы сориентироваться в подобном многообразии.

— Вы полагаете, что вкус воспитывается на «ограниченном ассортименте»?

— И да и нет. Просто сейчас возникло пресыщение. Тысячи дисков, тысячи пластинок, тысячи групп. Это замечательно, если зритель, слушатель дозрел до осознанного выбора. Но ведь получается-то, давайте скажем прямо, что выбирают наиболее броское, наиболее блестящее... Ассортимент хорошего, талантливого всегда ограничен. А броской шелухи много. Когда я вижу людей, которые по-настоящему талантливы, у которых я

учился и которые забыты теперь — им не пробиться сквозь броню шоу-бизнеса, — мне больно. Сменились идола, и те, кто идет нам вслед, исповедуют совсем другие принципы.

— Но вы ведь тоже отнюдь не отказываетесь от коммерческих концертов, от «продаваемых» антреприз. Вы, иными словами, подаете пример тем, кто следует за вами.

— Я тоже втянут в этот замкнутый круг. Очень немногие сегодня могут оставаться серьезными художниками, сохраняя при этом благосостояние. Мне безумно нравится Вячеслав Полушин. Он умудряется сохранить высокое нравственное начало, принимать самостоятельные решения, зарабатывать большие деньги и тратить их на реализацию своих замыслов. Замыслов очень талантливых... Сейчас все зависит от спонсоров, спонсоры правят художественным миром, без них искусство не выживет, а значит, в определенной степени люди, владеющие деньгами, «заказывают музыку». Но далеко не у всех владельцев хороший вкус... Да и вообще просить — стыдно. Вот потому зарабатывать деньги — тоже наука. Полушин ею овладел.

— Полушин за границей...

— Да, потому что он понял, что здесь реализовать себя в полной мере он не может. И сделал выбор. Сейчас в России заниматься своей профессией, не поставив ее на коммерческие рельсы, наверное, невозможно. Я

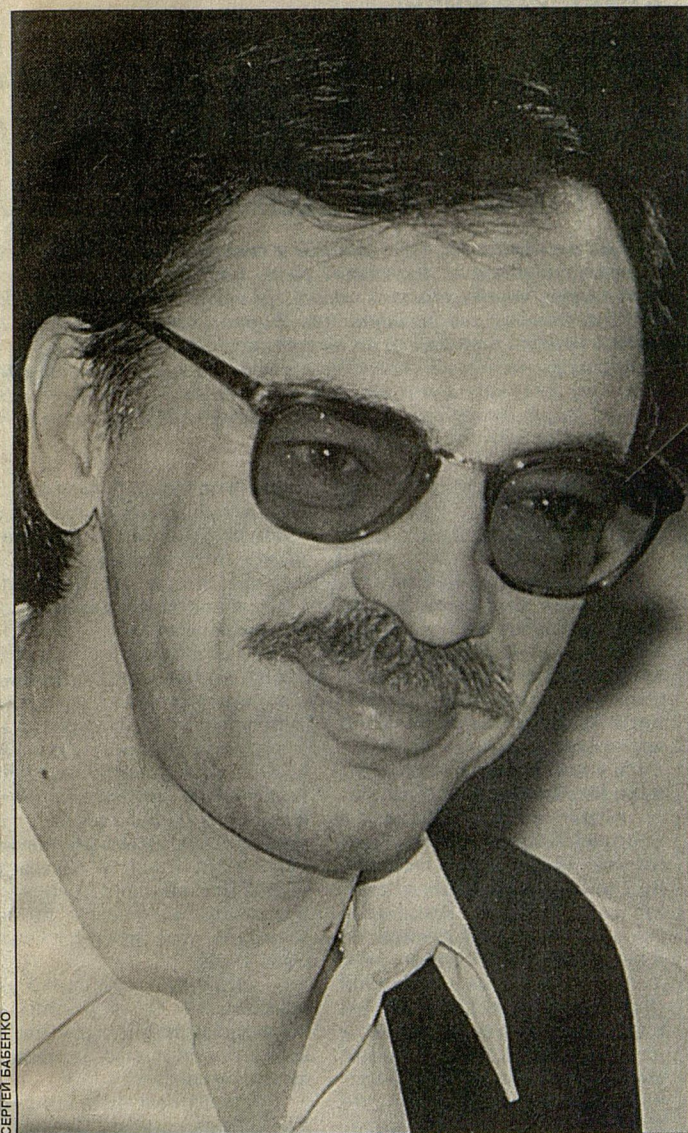
иногда пытаюсь смотреть на происходящее философски — пройдет время, и все устанет. Накатит волна, смоем все, что было, откатится, и на месте старого появится новое. Время такое. Я понимаю неизбежность происходящего. Но происходящее не радует. Ведь я живу в этом времени, оно «проходит» через меня. Потому стараюсь закрыться от повседневности хорошей книгой.

— Вашего появления на экранах ждали и ждут. Чем занимаетесь сейчас, что в настоящем?

— Да ничем. И пусть я не буду востребован...

— Это бравада или самозащита?

— Просто я не успевал жить, я только работал. А работа, какой бы приятной она ни была, — не жизнь. Что вспомнить, кроме работы? Как я выяснил теперь, практически ничего. Хотя — недавно встретился с Юнгвальд-Хилькевичем, возможно, будем снимать окончание «Трех мушкетеров». Раньше он отказывался делать фильм, поскольку его расстраивала смерть героев. Я же противился тому, чтобы переписывать Дюма: у него-то мушкетеры гибнут. Но вот недавно он мне позвонил, сказал, что нашел компромисс — герои как бы гибнут, но остаются жить. Ну посмотрим, может, что-нибудь и получится. Если нет, значит, не судьба. И ладно. Хочу наконец-то найти время, чтобы просто отдыхать, читать книги, гулять по городу. Я очень

СЕРГЕЙ БАБЕНКО

люблю прогулки по Петербургу — они даже закоренелого прагматика способны сделать романтиком.

— Вы живете в потрясающем месте: окна вашей квартиры выходят на Мойку, 12 — музей-квартиру Пушкина. В двух шагах от вас Капелла, Дворцовая площадь, Эрмитаж. Где гуляете?

— Вот здесь и гуляю, а что еще нужно? Смотрю на атлантов, на Ростральные колонны, на Петропавловскую крепость. И чувство горечи уступает ощущению вечности. Вы знаете, во мне уживаются обиды за настоящее города, гордость за его прошлое и надежда на его будущее.

Я уверен, что он рано или поздно вновь станет столицей.

— Не дай бог!

— А что вам не нравится?

Наш город уже называли Ленинградом, областная судьба у него уже была. Но он все равно остался величественным и державным. Все равно будет столицей.

— Да вы по-прежнему романтик, оказывается.

— Да нет, только в отношении к Петербургу. А так я прагматик, реалист.

— Реализм и пессимизм — одно и то же?

— Для нас сейчас — да.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург